

Карапетян Л.А.,

доктор исторических наук, профессор
Краснодарского государственного
института культуры

УДК 340

ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА 1870 г. – ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРСКИХ СЛОВЕСНЫХ СУДОВ КУБАНСКОЙ И ТЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: рассмотрены организационно-правовые основы словесных судов, специфика материальной и процессуальной нормативной базы судопроизводства, подсудность, соотношение норм адата, мусульманского права и общероссийского законодательства в регулировании общественных отношений коренного населения, исповедующего ислам.

Ключевые слова: суд, судостройство, судопроизводство, адат, шариат, мусульманское право, общероссийское законодательство.

L.A. Karapetyan,

doctor of historical sciences, professor
Krasnodar State Institute of Culture

PROVISIONAL RULES 1870 – FRAMEWORK OF MOUNTAIN VERBAL SHIPS KUBAN AND TEREK REGIONS POST-REFORM RUSSIAN

Summary: the organizational and legal basis of verbal vessels, specific substantive and procedural justice regulatory framework, jurisdiction, the ratio of adat norms of Islamic law, and the all-Russian legislation regulating the social relations of the indigenous population professing Islam.

Keywords: court, the judicial system, court proceedings, adat, the sharia, Islamic law, a nationwide law.

На обсуждение конференции выносятся проблема горских словесных судов как объективно необходимого звена судебной системы.

Плюрализм судебной системы и правовой основы судопроизводства в регионе в пореформенный период вызывает интерес у исследователей, как теоретиков, так и практических работников. Знание положительных и негативных сторон исторического опыта поучительно и актуально.

Этническое, конфессиональное, сословное многообразие указанных областей создавали специфические социально-политические и культурные условия, которые сказались и на проводившейся в них судебной реформе. Судебное законодательство предусматривало создание бессловесных судебных учреждений двух типов – мировых судов и общих судов.

Реформа базировалась на следующих важнейших законах: Учреждения судебных установлений, Уставов гражданского и уголовного судопроизводства и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Судебная система провозгласила: отделение суда от администрации, которое обеспечивалось несменяемостью судей и судебных следователей; создание всесловесных судебных органов; равенство всех перед судом; суд присяжных; выборность мировых судей; прокурорский надзор за законностью судопроизводства. Сам порядок судопроизводства был перестроен на основе принципов состязатель-

ности, гласности, устности, непосредственности, права обвиняемого на защиту. Вместо системы формальных доказательств введена оценка доказательств по внутреннему судейскому убеждению.

Вместе с тем, учитывая специфику региона, обычаи и традиции горских народов, необходимость политико-правовой стабилизации здесь была сформирована плюралистическая судебная система. Наряду с общими и мировыми судами для народов, исповедовавших ислам, временно, до создания мировой юстиции, введение которых было отдано на усмотрение Наместника Кавказа, на уровне округов были образованы горские словесные суды [5, ст. 220].

Для горского населения основными источниками права являлись главным образом две традиционные системы права – адат (обычай) и шариат. Центральная власть, легализовав обе системы традиционного права, исключила из них нормы, противоречивших общегосударственным законам. Но наряду с ними появляется и постепенно внедряется третий компонент – общеимперское законодательство. Иначе говоря, имело место переплетение норм трех правовых семей: обычного, мусульманского и романо-германского права.

Судебной реформой на Северном Кавказе центральная власть пыталась ослабить шариат (а значит, ислам и мусульманское право) и модернизировать адатное право с целью подготовить постепенный переход к единому российскому судопроизводству на базе общегосударственного законодательства.

Горские словесные суды начали создаваться с начала 70-х гг. XIX в. Исходя из записки сенатора Н.М. Рейнке от 1912 г. о положении судебного дела среди горского населения в Кубанской и Терской областях функционировало девять словесных судов [2, с. 509]. Из них три (Екатеринодарский, Майкопский, Баталпащинский) находились в Кубанской области, а шесть (Владикавказский, Грозненский, Нальчикский, Шатойский, Веденоский, Назарановский) – в Терской области.

В период действия горских судов общероссийское законодательство более точно определила подведомственность их уголовных дел (примечание 1 к ст. 1256 уст. угол. судопроизводства для Терской и Кубанской областей). И менее ясно сделано это в отношении гражданских дел (ст. 1481 – Кубанской обл. и Черноморской губ. уст. гражд. судопроизводства). Фактически этим и исчерпывалась законодательная регламентация их деятельности. В дальнейшем более подробная регламентация развития этого института содержалась в административных актах, и притом с постепенным ограничением участия в нем народного элемента. В первое время порядок административной регламентации, как более гибкий, представлялся властям целесообразнее. Однако и в начале XX в. Н.М. Рейнке, возглавлявший комиссию по изучению судостройства и судопроизводства среди горцев Кавказа, отмечал, что уже прошло более сорока лет, а изменения уклада жизни горцев, их понятия о праве и справедливости не нашли соответственного выражения в законах [5, с. 498].

К крупным административным актам следует отнести «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей», утвержденные Наместником Кавказа 18 декабря 1870 г. Всего они включали 84 статьи. В них определялись: организационно-правовые основы судостройства (ст. 1–6), подсудность (ст. 7–19, 43), вопросы процессуального права (ст. 20–36), доказательственная база (ст. 37–42), механизм примирения, в том числе при рассмотрении уголовных дел (ст. 45–49), правовая база судопроизводства (ст. 50–52), порядок оглашения приговоров и решений (ст. 53–55), апелляция (ст. 57–63), исполнение приговоров и решений суда (ст. 64–66), опекуновство (ст. 72–77), исполнение нотариальных функций в местностях, где нет нотариусов (ст. 78–84) [1, с. 232–242]. Данный нормативно-правовой акт исходил из необходимости придерживаться в деятельности судов синтеза норм обычного, мусульманского права и общероссийского законодательства.

Вместе с тем устанавливалось разграничение компетентности адата, шариата и российского закона.

По характеру горские словесные суды были судебно-административными учреждениями, что являлось нарушением одного из основополагающих принципов судебной реформы – отделение суда от администрации. Они действовали непрерывно в составе председателя (обычно это начальники округов и атаманы отделов) по назначению администрации и судей (депутатов) и кадия, избираемых путем двухстепенных выборов населением на трехлетие. Выборные члены суда подлежали утверждению администрации. Тем не менее наличие выборного элемента свидетельствует о том, что народ принимает участие

в формировании судебной власти. Он ее передает судьям, которые выступают носителями судебной власти. Однако порядок избрания судей не был совершенным, что позволяло попадать туда и некомпетентным лицам. Наряду с этим следует иметь в виду и то, что председатели судов, будучи, в сущности, военными людьми без соответствующего образования и необходимого опыта, занятые административной работой, не могли обеспечить должным образом ни интересов сторон, ни интересов государства.

Решения в горских словесных судах принимались большинством голосов и могли быть окончательными и неокончательными. Апелляционной инстанцией для окружных судов Кубанской и Терской областей являлись начальники областей и наказные атаманы. Иными словами, отсутствовала вторая судебная инстанция. Последней инстанцией мог выступать и Наместник Кавказа, рассматривавший дела то в апелляционном порядке, то в кассационном, то в порядке надзора. Ему направляли дела как главнокомандующему Кавказской армией, через штаб Кавказского военного округа. Существовавший порядок отмены решений свидетельствовал о слабости надзора. В регионе не было определенности и в процессуальных правилах, зависевших во многом от судейского усмотрения.

Горские словесные суды разбирали уголовные и гражданские дела. Но строгого разграничения не было, судопроизводство по ним мало отличалось, поскольку в основе решений лежало вознаграждение за нанесенный имущественный и физический ущерб. В отношении подсудности горских словесных судов следует отметить: при разграничении ее от подсудности мировых и общих судов имела место масса несогласованностей как между отдельными статьями законов, так и подзаконных актов.

Общим положением, которое признается всюду применительно к уголовной подсудности, следует считать наличие трех начал: личности, территории, рода дел. Для признания уголовного дела подсудным горскому словесному суду (за некоторым исключением) необходимо, прежде всего, чтобы преступное деяние было совершено горцем против горца той же области.

Согласно ст. 7 «Временных правил...» окружному словесному суду подсудны уголовные дела, отнесенные к ведомству мировых судей. Ст. 8 конкретизирует это положение применительно к каждой из названных областей. В области Терской это следующие дела: 1/ нанесение ран, увечья, и смерти в ссоре или в драке, начавшиеся без намерения совершить убийство или причинить увечье и рану; 2/ случайная смерть, увечье, ранение и иной ущерб здоровью; 3/ нарушение пределов необходимой обороны; 4/ кража с взломом и кража при оружии, если цена похищенного не превышает 300-х рублей и если кража совершена в первый и во второй раз; 5/ похищение женщин; 6/ дела по предупреждению и прекращению на основании местных обычаев, вражды и кровомщения, могущих возникнуть вследствие не обнаружения виновных в убийстве. В Кубанской области подсудности этих судов подлежат лишь дела в вышеуказанных пунктах 4 и 5 для Терской области. В итоге в одном нормативном акте мы имеем разную подсудность. Что касается похищения женщин (пункт 5) то горским судам подведомственны дела о похищении женщин с намерением изнасилования или обольщения (ст. 1529, 1530 Уложения о наказаниях) [1, с. 233]. Дела же о похищении женщин с целью вступления в брак, т.е. деяния менее преступные подсудны общим судам. Похищение женщин не оправдывается ни обычаем, ни шариатом. Оно признается ими преступлением. Поэтому имеются ходатайства горцев о предоставлении женщинам права и в случаях, предусмотренных ст. 1529 и 1530 Уложения о наказаниях более действенной защиты в общих судах. При этом следует иметь в виду, что ст. 12 «Временных правил...» дает право, потерпевшему до разбирательства дела в словесном суде обратиться с просьбой о его рассмотрении в окружном суде [1, с. 233–234]. Часть деяний «Временные правила...» изымали из ведомства коллегиального состава суда (председатель и два депутата) и передавали на единоличное рассмотрение председателю. Ст. 11 к таковым относит следующие правонарушения горцев: против порядка управления; против благочиния, порядка и спокойствия; против народного здоровья и все нарушения уставов: о паспортах, строительного и путей сообщения, пожарного, почтового и телеграфного [1, с. 234]. Хотя и в этом случае имеется альтернатива. Ст. 16 позволяет тяжущимся сторонам обратиться с просьбой о рассмотрении дела в окружном суде. В случае принятия дела к производству в нем оно изымается из ведения горского словесного суда [1, с. 235].

В общем, строгих единых правил уголовной подсудности не было, что не способствовало осуществлению правосудия и давало простор для произвола.

Несколько лучше в этом отношении обстояли дела с правилами гражданской подсудности. Гражданская подсудность определялась личным началом и родом дел.

Ст. 13 к их ведомству относит иски аналогичные искам мирового суда, за исключением исков, бывших в компетенции аульных судов. Из ст. 14 следует, что из исков, отнесенных к компетенции общего окружного суда, за горскими словесными судами сохранились иски на сумму не свыше двух тысяч рублей по ряду дел: по долговым обязательствам; обязательствам, обеспеченных залогом имущества; праве собственности на недвижимые имущества, когда иски не основаны на формальном акте; о наследстве; о разделе наследства и споров наследников как между собой, так и против действительности духовных завещаний, составленных по горским обычаям. К тому же ст. 15 гласит, что кроме дел, отмеченных в ст. 13 и 14 словесные суды по просьбе сторон могут принять к рассмотрению любой спор, гражданский иск, если истец и ответчик дадут письменное обещание не обжаловать решение суда [1, с. 234–235]. Статья 44 устанавливает 10-летнюю давность по гражданским делам, а ст. 56 гласит, что при цене иска не свыше 100 руб. решение суда является окончательным [1, с. 238–239].

В целом, правила гражданской подсудности не представляли столь пестрой картины как подсудность уголовная, хотя и здесь имелись различия.

Правовой основой рассматриваемых в горских словесных судах дел главным образом были адат и шариат. Статья 50 «Временных правил...» гласит, что «суд дела решает на основании местных обычаев и только по таким делам, для которых обычай не сложился, руководствуется общими законами империи. Разбирательству же на основании шариата из дел, подсудных горскому словесному суду, подлежат дела: о заключении и расторжении брака, о личных и имущественных правах, из брака вытекающих, о законности рождения и дела о наследстве» [1, с. 238]. Но при разбирательстве дел по шариату роль кадия не везде одинакова. Согласно ст. 51 «Временных правил...» он единолично решает лишь дела о разводе. В других случаях кадий участвует в заседаниях суда. После объяснения сторон, допроса свидетелей и рассмотрения, представленных по делу доказательств перед вынесением постановления выслушивается его мнение, сущность которого заносится в настольный журнал [1, с. 239]. Таким образом, и по шариатским делам нет единых правил. А при рассмотрении уголовных дел суд на основании ст. 52 определяет: по совести – степень виновности обвиняемого, по обычаю – количество вознаграждения потерпевшему, по закону – наказание виновному [1, с. 239].

Преступлением по адату считались наказуемые действия, направленные против личности и имущества. Хотя в адатах не существовало ясно сформулированных понятий преступного деяния и составов. Субъектами преступления были физические лица. Появилось понятие соучастия, но уголовная санкция не знала индивидуализации. Относительно субъективной стороны следует отметить, что уже различались деяния, совершенные намеренно, неосторожно и случайно. Кроме того, различали кражу простую и квалифицированную, указывали на отягчающие обстоятельства, а также превышение пределов необходимой обороны. При этом следует иметь в виду, что в разных обществах влияние адата и шариата было неодинаковым. Так, по данным Ф.И. Леонтовича на середину XIX в. шариат ранее укрепился у кабардинцев, кумыков и ногайцев. Адату отдают приоритет абадзехи, шапсуги, башильбаи, шегирей, баракай, казылбеки, карачаевцы, дигорцы, балкарцы, хуламцы, урупии, общества осетинского происхождения и назрановцы. В бжедуховском, черченейском, хамышейском, темиргоевском, махочевском, бесленеевском обществах и у беглых кабардинцев адат и шариат имеют равные статусы. Из чеченцев только галашевцы, галгаевцы, крабулаки и кисты во всем следуют адату [3, с. 220].

По адату допускалось решать дела о нанесении ран и увечий, по дракам, похищению и изнасилованию женщин, разврату, воровству и грабежу (если не представляли опасность для жизни), поджогам, потравам и порчам чужого имущества, земельным спорам и др. По тяжким и государственным преступлениям была установлена исключительная компетенция общего суда государства.

Разнообразной была и система наказаний, что связано с различной уголовной подсудностью. Убийство, нанесение ран, личные обиды и оскорбления решались в основном мщением и редко подлежали судебному разбирательству. Хотя именно одной из основных функций словесных судов было ограничение кровной мести.

Адат был сословным правом, а вследствие этого система композиций увеличивалась в зависи-

мости от социального статуса пострадавших. Целью наказания было устрашение и возмещение вреда. Важнейшим принципом адата являлось то, что субъектом права выступал, прежде всего, не человек, а его семейная группа, селение или общество, где он проживал.

Шариат в отличие от обычного права горцев, где приоритет отдавался коллективному праву, обращался к сознанию отдельного мусульманина и требовал личной ответственности мусульманина перед Аллахом. По исламским нормам все поступки делятся: на допустимые (халал или мубах), рекомендованные (мандуб), предосудительные (макрух), запрещенные (харам). Шариат ввел в горское право такие понятия, как умышленное или неумышленное действие, влияющие на вину преступника обстоятельства, представление о простых и сложных проступках. Главным его вкладом было определение наказания как действия, отличающегося от возмездия. Особенно заметны различия между адатом и шариатом в суде при рассмотрении вопросов кровной мести. Шариат знает право мести, но не только настаивает на замене крови штрафом, но и, признавая возмездие, протестует против вовлечения в число мстящих других людей. Обыденное сознание нормы адата и шариата практически не разделяет. Вместе с тем некоторые преступления эти два источника оценивали идентично. К числу таких следует отнести, например, похищение женщин, прелюбодеяние. Похищение и покушение на честь женщины адат и шариат трактуют одинаково и требуют сурового наказания.

Таким образом, в регионе сложилась плюралистическая судебная система. Словесные суды действовали на основе норм адата, шариата и общегосударственного законодательства.

Список использованной литературы:

1. Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей от 18 декабря 1870 г. // Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1891.
2. Кавказ и российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005.
3. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Нальчик, 2002.
4. Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002.
5. Свод законов Т. 2. СПб., 1912. Ст. 220